

ГИ ДЕ МОПАССАН

ЭТА СВИНЬЯ МОРЕН

Ги де Мопассан

Эта свинья Морен

Текст предоставлен изд-вом
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174313

Пышка: Эксмо; Москва; 2002

ISBN 5-699-01188-9

Аннотация

«Я вошел в литературу, как метеор», – шутливо говорил Мопассан. Действительно, он стал знаменитостью на другой день после опубликования «Пышки» – подлинного шедевра малого литературного жанра. Тема любви – во всем ее многообразии – стала основной в творчестве Мопассана. Произведение входит в авторский сборник «Пышка».

Содержание

ГЛАВА I	6
ГЛАВА II	11
ГЛАВА III	20

Ги де Мопассан

Эта свинья Морен

М. Удино

ГЛАВА I

– Друг мой, постой, – сказал я Лябарбу, – ты только что опять произнес: «Эта свинья Морен». Почему, черт возьми, я ни разу не слышал, чтобы, говоря о Морене, не называли его свиньей?

Лябарб, ныне депутат, вытаращил на меня глаза:

– Как, ты не знаешь истории Морена, и ты из Ля-Рошели?

Я признался, что не знаю истории Морена. Тогда Лябарб потер руки и начал рассказ.

– Ты ведь знал Морена и помнишь его большой галантерейный магазин на набережной Ля-Рошели?

– Да, помню.

– Отлично. Так вот в 1862 или 1863 годах Морен отправился на две недели в Париж, может быть, ради удовольствия или ради некоторых походов, но под предлогом застаться новым товаром. Ты знаешь, что значит для провинциального торговца провести две недели в Париже. От этого огонь зажигается в крови. Каждый вечер какие-нибудь

зрелища, мимолетные знакомства с женщинами, непрерывное возбуждение ума. Тут теряют рассудок. Ничего уже не видят, кроме танцовщиц в трико, декольтированных актрис, полных икр, пышных плеч, и все это – стоит только руку протянуть, а между тем нельзя, невозможно прикоснуться. Едва удастся разок-другой отведать какого-нибудь блюда попроще. И приходится уезжать все еще раззадоренному, с возбужденным сердцем, с непреодолимой жаждой поцелуев, которые только пощекотали вам губы.

Морен находился именно в таком состоянии, когда взял билет до Ля-Рошели на экспресс, отходивший в восемь сорок вечера. Взволнованный и полный сожаления, прохаживался он по большому вестибюлю Орлеанской железной дороги и вдруг остановился как вкопанный при виде молодой женщины, целовавшей старую даму. Она приподняла вуалетку, и Морен в восхищении пробормотал:

– Черт возьми, какая красавица!

Простившись со старушкой, она вошла в зал ожидания, и Морен последовал за нею; затем она прошла на платформу, и Морен снова последовал за нею; потом она вошла в пустое купе, и Морен опять-таки последовал за нею.

С экспрессом ехало мало пассажиров. Паровоз свистнул, поезд тронулся. Они были одни.

Морен пожирал ее глазами. На вид ей было лет девятнадцать-двадцать; это была белокурая, рослая, со смелыми манерами молодая особа. Укутав ноги дорожным пледом, она

вытянулась на диванчике, собираясь спать.

Морен спрашивал себя: «Кто она?» – и тысячи предположений, тысячи планов мелькали в его голове. Он говорил себе: «Столько ходит рассказов о приключениях на железных дорогах. Быть может, и мне предстоит одно из таких приключений. Кто знает? Удача приходит так внезапно. Быть может, достаточно только быть смелым. Ведь сказал же Дантон: „Дерзайте, дерзайте, всегда дерзайте“? Если не Дантон, так Мирабо. В конце концов это неважно. Да, но у меня-то как раз не хватает смелости, вот в чем загвоздка! О! Если бы знать, если бы можно было читать в чужой душе! Держу пари, что мы ежедневно, не подозревая, проходим мимо блестящих случаев. А ведь ей было бы достаточно сделать всего лишь движение, намекнув, что она только и ждет...»

И он принялся строить планы, которые могли бы привести его к победе. Он представлял себе начало знакомства в рыцарском духе: мелкие услуги, которые он окажет спутнице, живой, любезный разговор, который закончится объяснением, а оно, в свою очередь... тем самым, что ты имеешь в виду.

Между тем ночь проходила, а очаровательная девушка продолжала спать, пока Морен обдумывал, как произойдет ее падение. Рассвело, и вскоре солнце бросило с далекого горизонта первый луч, длинный и яркий, на спокойное лицо спящей.

Она проснулась, села, взглянула в окно на просторы по-

лей, затем на Морена и улыбнулась улыбкой счастливой женщины – ласково и весело. Морен вздрогнул. Сомнений быть не могло, улыбка предназначалась ему; она была тем скромным приглашением, тем желанным знаком, которого он так долго ждал. Эта улыбка означала: «До чего вы глупы, до чего вы наивны, какой вы простофиля, если торчите, как пень, на своем месте со вчерашнего вечера. Взгляните-ка на меня: разве я вам не нравлюсь? А вы сидите всю ночь наедине с хорошенькой женщиной, как дурак, не осмеливаясь ни на что».

Она продолжала улыбаться, глядя на него, начала даже смеяться, а он растерянно подыскивал подходящую фразу, старался придумать подходящий комплимент или хоть несколько слов, все равно каких. Но ничего не находил, ровно ничего. Тогда с дерзостью труса он подумал: «Будь что будет – рискну». И вдруг, не говоря ни слова, ринулся вперед, простирая руки и алчно выпятив губы, схватил ее в объятия.

Одним прыжком девушка вскочила, испуская вопли ужаса, крича: «Помогите!» Она распахнула дверцу купе, звала на помощь и, перепуганная до безумия, пыталась выпрыгнуть, в то время как ошалевший Морен, уверенный, что она выбросится на рельсы, удерживал ее за юбку и восклицал, заикаясь:

– Сударыня... О! Сударыня!

Поезд замедлил ход и остановился. Двое служащих бросились на отчаянные призывы молодой женщины, которая упала к ним на руки, пролепетав:

– Этот человек хотел... хотел... меня... меня...

И она лишилась чувств.

Поезд находился на станции Мозе. Дежурный жандарм арестовал Морена.

Когда жертва его грубой выходки пришла в себя, она дала показания. Власти составили протокол. И несчастный торговец только к вечеру добрался домой; его привлекли к ответственности за оскорбление нравственности в общественном месте.

ГЛАВА II

В то время я был главным редактором газеты «Светоч Шаранты» и виделся с Мореном каждый вечер в Коммерческом кафе.

На следующее утро после своего приключения он пришел ко мне, не зная, что делать. Я не скрыл от него своего мнения:

– Ты просто свинья. Так себя не ведут.

Он плакал; жена его побила; он уже видел, как торговля его приходит в упадок, обесчещенное имя забрасывают грязью, а возмущенные друзья перестают ему кланяться. В конце концов мне стало жаль Морена, и я позвал своего сотрудника Риве, веселого и находчивого малого, чтобы узнать его мнение на этот счет. Он посоветовал мне переговорить с прокурором – одним из моих друзей. Я отправил Морена домой, а сам пошел к этому чиновнику.

Я узнал, что оскорбленная девушка – мадемуазель Анриетта Боннель, ездившая в Париж за дипломом учительницы; у нее не было в живых ни отца, ни матери, и она проводила каникулы у дяди и тетки, скромных буржуа в Мозе.

Положение Морена осложнялось тем, что дядя подал в суд. Прокурорский надзор соглашался прекратить дело, если жалоба будет взята обратно. Этого-то и следовало добиться.

Я возвратился к Морену и застал его в постели, больно-

го от волнения и горя. Жена, костлявая, рослая, разбитная баба, ругала его непрерывно. Она провела меня в комнату, крича мне прямо в лицо:

– Пришли полюбоваться на эту свинью Морена? Вот он, голубчик!

И она стала перед кроватью, подбоченившись. Я объяснил положение вещей, и Морен взмолился, чтобы я разыскал эту семью. Поручение было щекотливое, тем не менее я взялся его исполнить. Бедняга не переставал твердить:

– Уверяю тебя, что я ни разу не поцеловал ее, ни разу. Клянусь тебе!

Я ответил:

– Это не меняет дела, все равно ты свинья.

Затем я взял тысячу франков, которые он передал мне для расходов по моему усмотрению.

Однако, не решаясь отправиться один к родственникам девушки, я попросил Риве сопровождать меня. Он согласился при условии, что мы выедем немедленно, так как на другой день вечером у него было спешное дело в Ля-Рошели.

Два часа спустя мы звонили у двери деревенского домика. Нам открыла красивая девушка. Вероятно, это была она. Я тихонько сказал Риве:

– Черт возьми, я начинаю понимать Морена!

Дядя, господин Тоннеле, оказавшийся как раз подписчиком «Светоча» и нашим горячим политическим единомышленником, принял нас с распростертыми объятиями, привет-

ствовал, радостно жал руки в восторге от того, что видит у себя редакторов своей газеты. Риве шепнул мне на ухо:

– Я думаю, что дело этой свиньи Морена нам удастся уладить.

Племянница удалилась, и я приступил к щекотливому вопросу. Я намекнул на возможность скандала и указал на неминуемый ущерб, который причинила бы девушке огласка подобного дела: никто ведь не поверит, что все ограничилось только поцелуем.

Дядюшка, очевидно, колебался, но ничего не мог решить без ведома жены, которая должна была вернуться только поздно вечером. Внезапно он воскликнул с торжеством:

– Постойте, мне пришла в голову превосходная мысль: я оставлю вас у себя. Вы оба у меня пообедаете и переночуете, а когда приедет жена, я надеюсь, мы поладим.

Риве сначала воспротивился, но желание вызволить из беды эту свинью Морена заставило и его согласиться принять приглашение.

Дядя встал, сияя, позвал племянницу и предложил нам погулять по его владениям, прибавив:

– Серьезные дела-на вечер.

Риве завел с ним разговор о политике Я же очутился вскоре в нескольких шагах позади них рядом с девушкой Она поистине была очаровательна, да очаровательна!

С бесконечными предосторожностями я заговорил с нею о ее приключении, намереваясь обеспечить себе союзницу.

Но она ничуть не казалась смущенной и слушала меня с таким видом, словно все это ее очень забавляло.

Я говорил ей:

– Подумайте, мадемуазель, о всех неприятностях, которые вас ожидают! Вам придется предстать перед судом, выносить лукавые взгляды, говорить перед всеми этими людьми, рассказывать публично о печальной сцене в вагоне. Между нами, не лучше ли было бы вам вообще не поднимать шума, осадить этого шалопая, не зовя служащих, и просто-напросто перейти в другое купе?

Она рассмеялась:

– Вы правы! Но что поделаешь? Я испугалась; а с перепуга уже не до рассуждений! Когда я поняла все происшедшее, я очень пожалела о том, что закричала, но было уже поздно. Подумайте только, что этот болван набросился на меня, словно исступленный, не сказав ни слова, и лицо у него было, как у сумасшедшего. Я даже не знала, что ему от меня нужно.

Она смотрела мне прямо в глаза, не смущаясь, не робея. Я сказал себе: «Ну и бойкая же особа! Становится понятно, почему эта свинья Морен мог ошибиться».

Я отвечал шутя:

– Послушайте, мадемуазель, вы должны признать, что он заслуживает извинения: невозможно же, в конце концов, находиться наедине с такой красивой девушкой, как вы, не испытывая совершенно законного желания поцеловать ее.

Она рассмеялась еще громче, сверкнув зубами.

– Между желанием и поступком, сударь, должно найтись место и уважению.

Фраза звучала смешно и не совсем вразумительно. Внезапно я спросил:

– Ну хорошо, а если бы я вас поцеловал сейчас, что бы вы сделали?

Она остановилась, смерила меня взглядом с головы до ног, затем сказала спокойно:

– О, вы – это другое дело!

Я хорошо знал, черт побери, что это другое дело, так как меня во всей округе звали не иначе, как «красавец Лябарб», и мне было в то время тридцать лет. Но я спросил:

– Почему же?

Она пожала плечами и ответила:

– Очень просто! Потому что вы не так глупы, как он. – Затем прибавила, быстро взглянув на меня: – И не так безобразны.

Не успела она отстраниться, как я вlepил ей в щеку звонкий поцелуй. Она отскочила в сторону, но было уже поздно. Затем сказала:

– Ну, вы тоже не стесняетесь! Советую только не возобновлять этой шутки!

Я принял смиренный вид и сказал вполголоса:

– Ах, мадемуазель, я лично от души желаю предстать перед судом по тому же делу, что и Морен.

Тогда она спросила:

– Почему?

Я перестал смеяться и взглянул ей прямо в глаза.

– Потому, что вы одна из самых красивых женщин. Потому, что для меня стало бы патентом, титулом, славой то обстоятельство, что я пытался вас взять силой. Потому, что, увидев вас, все бы говорили: «Ну, на этот раз Лябарб не добился того, чего добивается обычно, но тем не менее ему повезло».

Она снова от души рассмеялась:

– Ну и чудак же вы!

Не успела она произнести слово «чудак», как я уже держал ее в объятиях, осыпая жадными поцелуями ее волосы, лоб, глаза, рот, щеки, все лицо, каждое местечко, которое она невольно оставляла открытым, стараясь защитить остальные.

В конце концов она вырвалась красная и оскорбленная.

– Вы грубиян, сударь, и заставляете меня раскаиваться в том, что я вас слушала.

Я схватил ее руку и, несколько смутившись, шептал:

– Простите, простите, мадемуазель. Я вас оскорбил, я был

груб! Но что я мог поделаться? Если бы вы знали!..

И тщетно старался придумать какое-нибудь извинение.

Немного помолчав, она сказала:

– Мне нечего знать, сударь!

Но я уже нашелся и воскликнул:

– Мадемуазель, вот уж год, как я люблю вас!

Она была искренне изумлена и подняла на меня глаза. Я продолжал:

– Да, мадемуазель, выслушайте меня! Я не знаю Морена, и мне нет до него никакого дела. Пусть его отдадут под суд и посадят в тюрьму; мне это совершенно безразлично. Я увидел вас здесь год тому назад; вы стояли вон там, у решетки. Взглянув на вас, я был потрясен, и с тех пор ваш образ не покидал меня. Верьте или не верьте – все равно. Я нашел вас очаровательной; воспоминание о вас завладело мною; мне захотелось снова увидеться с вами, и вот я здесь под предлогом уладить дело этой скотины Морена. Обстоятельства заставили меня перейти границу; простите, умоляю вас, простите!

Она старалась прочесть правду в моем взгляде, готовая снова рассмеяться, и прошептала:

– Выдумщик!

Я поднял руку и произнес искренним тоном (думаю даже, что говорил вполне искренне):

– Клянусь вам, я не лгу.

Она сказала просто:

– Рассказывайте!

Мы были одни, совсем одни; Риве с дядей исчезли в извилинах аллея, и я принялся объясняться ей в любви пространно и нежно, пожимая и осыпая поцелуями ее руки. Она слушала мое признание, как нечто приятное и новое, не зная хорошенько, верить мне или нет.

В конце концов я действительно почувствовал волнение и поверил в то, что говорил; я был бледен, задыхался, вздрагивал, а моя рука между тем тихонько обняла ее за талию.

Я нашептывал ей в кудряшки над ухом. Она совсем замерла, отдавшись мечтам.

Потом ее рука встретилась с моей и пожала ее; я медленно, но все сильнее и сильнее трепетной рукой сжимал ее стан; она больше не сопротивлялась, я коснулся губами ее щеки, и вдруг ее уста встретились с моими. То был долгий-долгий поцелуй; и он длился бы еще дольше, если бы в нескольких шагах за собою я не услышал: «Гм-гм».

Она бросилась в чащу. Я обернулся и увидел Риве, подхотившего ко мне.

Остановившись посреди дороги, он сказал серьезно:

– Ну-ну! Так-то ты улаживаешь дело этой свиньи Морена?

Я отвечал самодовольно:

– Каждый делает, что может. А как дядя? От него добился ты чего-нибудь? За племянницу я отвечаю.

– С дядей я был менее счастлив, – объявил Риве.

Я взял его под руку, и мы вернулись в дом.

ГЛАВА III

За обедом я окончательно потерял голову. Я сидел рядом с нею, и наши руки беспрестанно встречались под столом; ногой я пожимал ее ножку; наши взгляды то и дело встречались.

Затем мы совершили прогулку при луне, и я нашептывал ей все нежные слова, какие мне подсказывало сердце. Я прижимал ее к себе, целуя поминутно, не отрывая своих губ от ее влажного рта. Впереди нас о чем-то спорили дядя и Риве. Их тени степенно следовали за ними по песку дорожек.

Вернулись домой. Вскоре телеграфист принес депешу: тетка извещала, что приедет только завтра утром, в семь часов, с первым поездом.

Дядя сказал:

– Ну, Анриетта, проводи гостей в их комнаты.

Пожав руку старику, мы поднялись наверх. Сначала она проводила нас в спальню Риве, и он шепнул мне:

– Небось не повела нас раньше в твою комнату.

Потом она проводила меня до моей постели. Как только она осталась со мной наедине, я снова схватил ее в объятия, стремясь затуманить ее рассудок и сломить сопротивление. Но она убежала, как только почувствовала, что слабеет.

Я лег в постель крайне рассерженный, крайне взволнованный, крайне смущенный, зная, что не усну всю ночь, и

припоминал, не совершил ли я какой-либо неловкости, как вдруг в мою дверь тихонько постучались.

Я спросил:

– Кто там?

Еле слышный голос ответил:

– Я.

Наскоро одевшись, я открыл дверь: вошла она.

– Я забыла спросить вас, – сказала она, – что вы пьете по утрам: шоколад, чай или кофе?

Я бурно обнял ее, осыпая неистовыми ласками, и бессвязно повторял:

– Я пью... пью... пью...

Но она выскользнула из моих рук, задула свечу и исчезла.

Я остался один, в темноте, разъяренный, ища спички и не находя их. Отыскав их наконец и почти обезумев, я вышел в коридор с подсвечником в руке.

Что мне было делать? Я не рассуждал больше; я шел с тем, чтобы найти Анриетту; я ее желал. И, не думая ни о чем, я сделал несколько шагов. Но вдруг меня осенила мысль: «А если я попаду к дяде? Что мне ему сказать?» Я остановился; голова была пуста, сердце сильно билось. Через несколько секунд я нашел ответ: «Черт возьми! Да скажу, что искал комнату Риве, чтобы поговорить с ним о неотложном деле».

И я стал осматривать двери, стараясь угадать, какая из них ведет к ней. Но никаких признаков, которые бы могли помочь мне, не находил. Наугад я повернул ручку одной из две-

рей. Открыл, вошел... Анриетта, сидя на постели, растерянно смотрела на меня.

Тогда я тихонько запер дверь на задвижку и, подойдя к ней на цыпочках, сказал:

– Я забыл попросить вас, мадемуазель, дать мне что-нибудь почитать.

Она отбивалась, но вскоре я открыл книгу, которую искал. Не скажу ее заглавия. То был поистине самый чудный роман и самая божественная поэма.

Едва я перевернул первую страницу, она предоставила мне читать сколько угодно; я перелистал столько глав, что наши свечи совсем догорели.

Когда, поблагодарив ее, я возвращался в свою комнату, крадучись волчьим шагом, меня остановила чья-то сильная рука, и голос – то был голос Риве – прошептал у меня над ухом:

– Так ты все еще не уладил дела этой свиньи Морена?

В семь часов утра она сама принесла мне чашку шоколада. Я никогда не пил такого. Этим шоколадом можно было упиваться без конца, так он был мягок, бархатист, ароматен, так опьянял. Я не в силах был оторвать губ от прелестных краев ее чашки.

Едва девушка вышла, как появился Риве. Он казался немного взволнованным и раздраженным, как человек, не спавший всю ночь, и сказал мне угрюмо:

– Знаешь, если ты будешь продолжать в том же духе, ты

испортишь дело этой свиньи Морена.

В восемь часов приехала тетка. Обсуждение дела длилось недолго. Было решено, что эти славные люди возьмут свою жалобу обратно, а я оставляю пятьсот франков в пользу местных бедняков.

Тут хозяева стали удерживать нас еще на день. Предложили даже устроить прогулку для осмотра развалин. Анриетта за спиной родных кивала мне головой: «Да, да, оставайтесь же!» Я согласился, но Риве упрямо настаивал на отъезде.

Я отвел его в сторону, просил, умолял, твердил ему:

– Послушай, Риве, голубчик, сделай это для меня!

Но он был словно вне себя и повторял мне прямо в лицо:

– С меня достаточно, слышишь ты, вполне достаточно дела этой свиньи Морена!

Я принужден был уехать вместе с ним. Это была одна из самых тяжелых минут моей жизни. Я охотно согласился бы улаживать это дело всю жизнь.

В вагоне, после крепких немых прощальных рукопожатий, я сказал Риве:

– Ты просто скотина!

Он отвечал:

– Милый мой, ты начинаешь меня дьявольски раздражать.

Подъезжая к редакции «Светоча», я увидел ожидавшую нас толпу... И чуть только нас завидели, поднялся крик:

– Ну как, удалось вам уладить дело этой свиньи Морена?

Вся Ля-Рошель была взволнована происшедшим. Риве,

дурное настроение которого рассеялось в дороге, едва удерживался от смеха, заявляя:

– Да, все уладилось благодаря Лябарбу.

И мы отправились к Морену.

Он лежал в кресле, с горчичниками на ногах и холодным компрессом на голове, изнемогая от мучительной тревоги. Он непрерывно кашлял чуть слышным кашлем умирающего, и никто не знал, откуда это у него взялось. Жена бросала на него взоры тигрицы, готовой его растерзать.

Увидев нас, Морен задрожал, его руки и колени затряслись. Я сообщил:

– Все улажено, пакостник; не вздумай только начинать сначала.

Он встал, задыхаясь, взял обе мои руки, поцеловал их, как руки какого-нибудь принца, заплакал, чуть не потерял сознание, обнял Риве и даже жену, которая, однако, одним толчком отшвырнула его в кресло.

Морен никогда уже не оправился от этой истории; пережитое им волнение оказалось чересчур сильным.

Во всей округе его называли теперь не иначе, как «эта свинья Морен», и прозвище вонзалось в него, словно острие шпаги, всякий раз, как он его слышал.

Когда на улице какой-нибудь мальчишка кричал: «Свинья», – Морен невольно оборачивался. Друзья изводили его жестокими насмешками, спрашивая всякий раз, когда ели окорок:

– Это не твой?

Он умер два года спустя.

Что касается меня, то, выставляя свою кандидатуру в депутаты в 1875 году, я отправился однажды с деловым визитом к новому нотариусу в Туссер, к мэтру Бельонклю. Меня встретила высокая, красивая, пышная женщина.

– Не узнаете? – спросила она.

Я пробормотал:

– Нет... не узнаю... сударыня.

– Анриетта Боннель.

– Ах!

И я почувствовал, что бледнею.

А она была совершенно спокойна и улыбалась, поглядывая на меня.

Как только она оставила меня наедине с мужем, он взял меня за руки и так крепко пожал их, что чуть не раздавил.

– Уж давно, сударь, я хочу повидать вас. Моя жена мне столько о вас говорила. Я знаю... да, знаю, при каких прискорбных обстоятельствах вы с нею познакомились, и знаю также, как безупречно, деликатно, тактично и самоотверженно вели вы себя в деле... – Он запнулся, а затем прибавил, понизив голос, точно произнося непристойность: – ... в деле этой свиньи Морена.